

В.А. Емелин

От неолуддизма к трансгуманизму: сингулярность и вертикальный прогресс или утрата идентичности?*

Емелин Вадим Анатольевич – кандидат философских наук, доцент. МГУ им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119234, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: emelin@mail.ru

В отношении к современным технологиям можно выделить два полюса. Первый – неолуддизм – сводится к их отрицанию и представлению в качестве враждебной человеку силы, с которой надо бороться. Второй – трансгуманизм – видит в развитии технологий панацею человечества в решении всех проблем и ориентируется на максимальную конвергенцию человеческого и машинного разума. И та и другая точка зрения предполагают радикальное изменение или качества жизни, или сложившейся идентичности индивида информационного общества. В статье рассматривается проблемная специфика взглядов современных неолуддитов, при этом, если не брать во внимание крайние проявления «машиноборства», то речь скорее идет о вполне объяснимых опасениях непредсказуемых последствий безудержного и неконтролируемого процесса вхождения технологий в жизнедеятельность людей. Оспаривается «радушное видение» будущего триумфа технологического развития, который должен принести человеку если не бессмертие, то максимальное продление жизни, а в идеале стать точкой технологической сингулярности, т. е. перехода человека в иное, киборгизированное, машинное качество. Популярность идей продления жизни вполне объяснима и не подлежит критике. Но пренебрежение этическими, этническими, а также проблемами перенаселенности планеты и ограниченности ресурсов делают взгляды трансгуманистов если не утопическими, то, по крайней мере, весьма неоднозначными. Как и любые из тех, кто обещал бессмертие, имморталисты относят его в неясное будущее, спекулируя на все возрастающем интересе к данной тематике. Оценивая подходы неолуддитов и трансгуманистов в качестве радикальных, предлагается начать движение к промежуточной позиции, предполагающей выработку соразмерного, «мирного» сосуществования человека и технологий с целью сохранения родовой сущности человека и недопущения разрушения его идентичности.

Ключевые слова: идентичность, технологии информационного общества, трансгуманизм, неолуддизм, киборгизация, иммортализм, технологическая сингулярность

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 18-013-01222 А.

Введение

Сегодня вопросы технологических трансформаций, технологических расширений и технологических улучшений человека стали одной из ключевых проблем наук о человеке. Различные представления о будущем технологий предлагают свой рецепт выхода из нарастающего кризиса, вызванного процессами технологической экспансии и киборгизации человека [Емелин, 2013, с. 62–70].

Целью данной работы является анализ основных векторов развития отношений человека и используемых технологий, выявление угроз для идентичности, которые несет технологический сдвиг в развивающемся информационном обществе, выработка гипотезы оптимального сосуществования человека и машин, предотвращающей кардинальное изменение природы человека и утрату его родовой сущности.

От луддизма к неолуддизму

Первый вариант развития отношений в связке «человек-машина» представляет собой реинкарнацию идей луддизма – возникшего в XIX в. движения машиноборцев, который явился реакцией на промышленный переворот, повлекший резкое сокращение количества востребованных работников. С приходом базисных технологий капитализма, машины стали заменять и вытеснять ручной труд, поэтому рабочие решили уничтожить своих автоматизированных «соперников», объявив им войну, предводителем которой считался некто Лудд. Предположительно, история выглядела так: в 1779 г. **работник ткацкой фабрики Нед Лудд** в припадке ярости, причины которого канули в Лету, разможил молотком две чулочно-вязальные машины. В последствие самоорганизовавшиеся активисты промышленного саботажа водрузили на свое знамя имя «Генерала Лудда» [Восстание против..., web]. В независимости от того, представляет собой персону Неда Лудда реальную личность, или же это мифическая фигура, но движение луддитов – это исторический факт. Нет сомнения, что оно являло собой радикальную антисоциальную силу, но именно луддитами впервые были поставлены вопросы, которые приобрели особую актуальность в настоящее время. Речь идет о последствиях вмешательства технологий в жизнь человека и о потенциальном ущербе, который они могут принести обществу с точки зрения индивидуальных, социальных, этических и иных последствий.

В XX в. сходная с позицией луддитов точка зрения получила довольно широкое распространение, и появились новые «машиноборцы». Жак Эллуль в книге «Технологическое общество», утверждал, что рациональность технологии проводит в жизнь логическую и механическую организацию, которая «устраняет или подчиняет мир природы». Он рассматривал феномен техники как самую опасную форму детерминизма. Техника превращает средства в цели, стандартизирует человеческое поведение и, как следствие, не просто делает человека объектом научного исследования, но объектом «калькуляций и манипуляций» [Ellul, 1965]. Одним из крупных критиков господствующего подхода о решающей роли развития технологий в прогрессе являлся Льюис Мамфорд. Он выражал глубокие сомнения, что именно развитие орудий труда и техники

было главной движущей силой в становлении человека, а также выступил критиком «мегамашины власти», под которой он понимал образец монотехники или авторитарной техники, которая, базируясь на научной интеллигенции и квалифицированном производстве, ориентирована главным образом на экономическую экспансию, материальное насыщение и военное превосходство [Мамфорд, 2001]. Эти, а также ряд других философов XX в. возродили интерес к проблемам философии техники и, конечно, их нельзя было назвать в прямом смысле луддитами, равно как и неолуддитами, скорее речь шла о попытках пересмотреть традиционно позитивные взгляды на технику.

Неолуддизм сегодня – это один из вариантов осмысления влияния развития технологий, в особенности компьютеров, на будущее человечества, особенно – в части компьютерных технологий. Неолуддизм – это не целостная доктрина, а скорее разрозненный спектр политических движений (например, анархо-примитивисты или зеленые), а также индивидуалов, пытающихся оградить себя и своих детей от воздействия Интернета, телевидения, смартфонов и других небезопасных с их точки зрения технологических новинок. К неолуддитам также можно отнести борцов-радикалов против технологий, которые по своей сути являются технофобами, и, в крайнем случае, технотеррористами. Наиболее прославился среди последних – Теодор Качинский, доктор философии Гарвардского университета, известный как «унабомбер» (University and Airline Bomber – «бомбист университетов и авиалиний»). В период с 1978 по 1995 гг. им было разослано 16 бомб в университеты и авиакомпании США. В отличие от многих неолуддитов, которые на словах отрицают технологии, а на деле продолжают пользоваться ими, Т. Качинский был последователен в своих взглядах и прожил в лесу до ареста двадцать пять лет, не пользуясь техникой, написав там одиозный манифест «Индустриальное общество и его будущее» [Качинский, 2006].

И все же в большей степени в основе современного неолуддизма лежат алармистские футурологические прогнозы, почерпнутые из фантастических романов и кинофильмов и связанные с угрозой покорения человека роботами. Эти тревожные ожидания во многом основаны на вере, навеянной романами Жюль Верна и других фантастов в то, что многое из описанного в них сбылось или сбывается, в особенности в части технологического прогресса. В то же время фантастика в художественной форме показывает возможные варианты развития будущего, помогающие избежать негативных последствий. Страх войны между людьми и машинами лежит в основе многих фантастических фильмов и сериалов, таких как «Газонокосильщик», «Терминатор», «Трон», «Битва за Галактику», «Я робот» и, конечно, трилогия «Матрица». Эта идея, пройдя сквозь призму массовой культуры, обретает «материальную силу» и становится источником формирования страхов и фобий в отношении развития технологий.

Но самую большую роль в развитии неолуддизма играет, как бы это не казалось тавтологично, само развитие технологий. «Что делать, когда технологии безумней луддитов?», – задался вопросом Джарон Ланир (Джарон Ланье)¹ в процессе анализа влияния идеи «сингулярности» на человека и реальность в целом. Сингулярность (технологическая сингулярность) – это апокалипти-

¹ Джарон Ланье – публицист, автор термина «виртуальная реальность». Цитируемая книга «Вы не гаджет» в русском переводе вышла под именем Джарон Ланир.

ческая идея, изначально предложенная Джоном фон Нейманом, одним из создателей цифровых вычислений, и разъясненная Вернором Винджем² и Рэем Курцвейлом³. Существует множество ее интерпретаций, но суть можно свести к следующему. В процессе развития компьютерных технологий возможности машинного разума будут возрастать вплоть до реперной точки, когда сверхразумный техноинтеллект не только превзойдет возможности человеческого, но и станет способным создавать свои копии, более совершенные, чем оригинал, в некоторых случаях интегрированные с человеком. В 60-е гг. прошлого века Ирвинг Джон Гуд⁴ отмечал, что первая сверхразумная машина станет последним изобретением, которое выпадет на долю человека, при условии, что машина будет достаточно покорна и поведает нам, как держать ее под контролем [Виндж, 2012, web]. В сомнении удастся ли держать сверхразум под контролем и состоит разумная основа страхов не только неолуддитов, но и любого «нейтрального» по отношению к технологиям человека.

Логика неолуддитов базируется на апокалиптических страхах – человек должен уничтожить технологии до того, как они уничтожат его идентичность. Если для неолуддитов технологическая сингулярность стала воплощением ада на земле, где человек обречен на страдания, то для их оппонентов – трансгуманистов – моментом наступления рая, основанного на реализации идеи полного слияния человека и технологий, где он переходит в новое качество, на более высокий этап антропологической эволюции. Только остается непонятным, почему это «взрывное» событие свершится одномоментно, как Октябрьская революция, а не будет растянуто в череде постепенных изменений, к которым адаптироваться несколько проще, чем к быстрым и масштабным переменам. Размышляя о взрывах в культуре, Ю.М. Лотман писал: «Взрыв может реализоваться как цепочка последовательных, сменяющих друг друга взрывов, накладывающихся на динамическую кривую многоступенчатую непредсказуемость» [Лотман, 1992, с. 186]. Именно проблема предсказуемости/непредсказуемости цепи событий, связанных с технологическим ускорением, и стала питательной почвой для техногенных страхов и причиной диффузии идентичности.

Призрак трансгуманизма: в ожидании конца человека и рождения нового вида

Движение трансгуманистов все больше овладевает умами интеллектуалов. Б.Г. Юдин охарактеризовал данный процесс словами: «Призрак бродит по Европе. Призрак... трансгуманизма» [Тищенко, 2014, с. 181]. П.Д. Тищенко комментирует его метафору: «Появление этого призрака – вполне закономерный результат конвергирования двух мощных тенденций новоевропейской культу-

² Вернор Стеффан Виндж – американский писатель-фантаст, лауреат премии «Хьюго». Профессор математики.

³ Рэймонд Курцвейл – известный американский изобретатель и футуролог. Считал, что в будущем человечество достигнет почти неограниченного материального изобилия, а люди могут стать бессмертными. Один из теоретиков технологической сингулярности и киборгизации людей.

⁴ Ирвинг Джон Гуд – британский математик, криптограф, работал с Аланом Тьюрингом. Известен как один из авторов концепции технологической сингулярности.

ры. Машины как доминирующие средства производства очеловечиваются и становятся все более антропоморфными. В свою очередь, человек все более механизмируется в своем человеческом существе» [там же, с. 181].

По своей сути трансгуманизм является радикально-технологической версией модернизма, в которой воплощается вера в то, что прогресс, основанный на развитии научного знания и совершенствовании техники, будет способствовать повышению уровня человеческого счастья, а также гипертрофируется базовое для модернистской идеологии положение о примате будущего над прошлым. В основе логики трансгуманистов лежит предположение, что человеческий вид не является концом нашей эволюции, а, скорее, ее началом. Это «рациональное и культурное движение, утверждающее возможность и желательность фундаментальных изменений в положении человека с помощью достижений разума, особенно с использованием технологий, чтобы ликвидировать старение и значительно усилить умственные, физические и психологические возможности человека» [Бостром, web]. Собственно говоря, с такой сверхгуманной целью трудно спорить. Но в слишком высоких и благородных начинаниях всегда сокрыто дьявольское «но». Ловушка трансгуманизма как раз и таится в интерпретации технологической сингулярности в качестве начала нового отсчета человеческой истории, причем в оценке этого события главенствуют сугубо позитивные настроения. В трансгуманизме само понятие «человек», по сути, уже выступает в качестве анахронизма. Он должен просто исчезнуть, модифицируясь до переходного «трансчеловека», а затем и вершину эволюции – «постчеловека», улучшенного до такой степени, что он уже и не будет человеком. «Постлюди могут оказаться полностью искусственными созданиями (основанными на искусственном интеллекте) или результатом большого числа изменений и улучшений биологии человека или трансчеловека. Некоторые постлюди могут даже найти для себя полезным отказаться от собственного тела и жить в качестве информационных структур в гигантских сверхбыстрых компьютерных сетях. Иногда говорят, что мы, люди, не способны представить себе, что значит быть постчеловеком. Их дела и стремления могут оказаться так же недоступны нашему пониманию, как обезьяне не понять сложности человеческой жизни» [там же].

Возникает вопрос, не окажутся ли для этих совершенных киборгов не успевшие пройти технологическую инициацию «отсталые» люди обезьянами, которым предусмотрено место в клетках? Трансгуманизм, несмотря на всю свою риторику человеколюбия, имплицитно содержит в себе тоталитарную идеологию. Джарон Ланир почувствовал эту тенденцию и охарактеризовал экстраполяцию идей некоторых разделов информатики на человека как *технологический тотализм* [Ланир, 2011, с. 45]. К последнему Ланир относит идеологию кибернетического мира о возвеличивании роли компьютеров, объединенных в глобальную Сеть, о вычислительных облаках, о ноосфере, которая является глобальным мозгом, состоящим из мозгов всех людей, соединенных посредством Сети. «Человек в данной схеме не представляет собой ничего особенного. Скоро компьютеры станут такими большими и быстрыми, а сама Сеть – настолько информационно насыщенной, что люди превратятся в нечто устаревшее, либо в оставленных, как в апокалиптических романах, либо будут поглощены киберсверхчеловеческим нечто» [там же, с. 50].

Основатель трансгуманизма Джулиан Хаксли так описывал путь к «дивному новому миру»⁵: «Человеческий вид может, если он захочет, преодолеть себя – не только спорадически, <...> но в целом, как человечество. Нам необходимо имя для этой новой веры. Может быть этим именем будет трансгуманизм: человек, оставшийся человеком, но преодолевший себя, благодаря реализации и ради реализации новых возможностей человеческой природы». И далее тоном пророка он провозглашает: «“Я верю в трансгуманизм”»: однажды наберется достаточно людей, которые действительно смогут сказать это, тогда человеческий вид будет на пороге нового состояния бытия, отличающегося от нашего также, как наше – от пекинского человека. Это, наконец, и будет осознанным выполнением нашей настоящей судьбы» [Huxley, 1957, p. 13–17].

Иронизируя над этими постулатами новой веры Джулиана Хаксли, Эрик Девис⁶ заметил, что «если история человечества – это история превращения обезьяны в ангела, или, как провозгласил Ницше, зверя в Сверхчеловека, то, по-видимому, на одном из этапов этого пути мы должны побывать машинами» [Дэвис, 2008, с. 185]. Николай Бердяев пессимистично пророчествовал: «Настанет время, когда будут совершенные машины, которыми человек мог бы управлять миром, но человека больше не будет. Машины сами будут действовать в совершенстве и достигать максимальных результатов. Последние люди сами превратятся в машины, но затем и они исчезнут за ненужностью и невозможностью для них органического дыхания и кровообращения» [Бердяев, 1989, с. 157]. Но может человек еще не готов стать киборгом, а тем более машиной?

Бессмертные киборги: технологические и этические аспекты иммортализма

Немаловажная составляющая трансгуманитарной веры – *иммортализм*, целью которого является продление жизни человека вплоть до неограниченно долголетия. Речь идет о трансплантации сознания, создании аватаров и киборгов, крионике или в других радикальных способах продления жизни. Они находятся где-то на грани разрушения родовой сущности человека, его высших психических функций и выглядят слишком провокационными и не проработанными, в особенности, если учесть, что толком до сих пор не ясна природа человеческого сознания, и пока мы его только «ищем в мозгу». Интересна точка зрения А.Ш. Тхостова на высказывания трансгуманистов по поводу создания прямых интерфейсов «мозг–машина» [Что такое трансгуманизм..., web]. Он отмечает, что «здесь мы сталкиваемся с абсолютным непониманием пока непреодолимого психофизиологического разрыва между сознанием и мозгом, кажущимися простым продолжением одного или другого» [Тхостов, 2014, с. 190–191]. Это принципиальное непонимание лежит в основе увлечения методами нейровизуализации, на успехи и перспективы которой так лю-

⁵ Джулиан Хаксли – английский биолог, эволюционист и гуманист, политик. Первый генеральный директор ЮНЕСКО, брат Олдоса Хаксли, автора известного романа-антиутопии «О дивный новый мир».

⁶ Эрик Дэвис – американский философ, культуролог и писатель.

бят ссылаться трансгуманисты. «Я нисколько не отрицаю этих действительно впечатляющих успехов, но я не могу понять, какое значение они имеют для принципиального решения психофизиологической проблемы. Связь мозга с психикой известна уже примерно несколько тысяч лет, и что собственно нового для понимания этой связи нам дает тот факт, что нейровизуализация позволяет оценить связь не вообще мозга в целом, а его отдельных частей с теми или иными психическими функциями? Суть проблемы не может быть подменена поисками локализации» [Тхостов, 2014, с. 190–191].

О.В. Попова, рассматривая этические аспекты проблемы бессмертия, задается вопросом, а не скучно ли кибер-людям будет в начиненном электроникой теле должителя? Не возникнет ли отвращения от нового образа? Не будет ли пресыщения и идентификации собственной жизни с запчастью для механика? [Попова, 2014, с. 34]. И далее: «модальность живого тела всегда обращена к боли и страданию. Страдание человека определяет его онтологический статус – статус живого человеческого существа, в рамках которого выстраивается его ценностный мир. Страдание, доведенное до высшей точки, равным образом, как и доведенное до предела наслаждение, способно вывести онтологию человека из границ человеческого. Резкое увеличение продолжительности жизни, сопровождающееся устранением модусов страдающей живой телесности, будет неизменно сопровождаться устранением привычного ценностного измерения человеческого бытия» [там же, с. 43].

Критикуя редукционизм иммортализма, П.Д. Тищенко писал об опасности кибернетического бессмертия: «Жизнь для человека – источник страданий и смерти. Спасем человека, но уничтожим жизнь. Она же будет всегда мешать! Не только нам, несовершенным людям на биологических носителях, но и аватарам будущего. Жизнь привыкла приспосабливаться к любой среде. Поэтому, если ее оставить – начнет паразитировать на цифровых носителях» [Тищенко, 2014, с. 185]. В.А. Лекторский утверждает: «Смысл жизни и смысл смерти – взаимосвязанные вещи. Если смерть теряет смысл, то и жизнь теряет смысл» [Лекторский, 2015, web]. Обретенное бессмертие может оказаться наказанием, в особенности, если постчеловек не захочет утратить иррациональность человеческого бытия. Описанный Айзеком Азимовым в рассказе «Двухсотлетний человек» [Азимов, 1996–1997, с. 621–667] бессмертный робот, чьим смыслом совершенствования было очеловечивание, в результате которого он внешне и даже духовно становится практически идентичным человеку, приходит к нестерпимому выводу: чтобы стать *человеком*, ему надо *умереть*. Возникает вопрос, не попросят ли законодательно разрешить эвтаназию бессмертные человеки-роботы после пришествия сингулярности?

Особую тревогу вызывают проблемы перенаселения многих стран третьего мира, спровоцированные внедрением западных медицинских технологий, которые на порядок уменьшили детскую *естественную* смертность. Их игнорирование, в совокупности с проблемами нехватки питьевой воды и продовольствия, ведет к катастрофе планетарного масштаба. Если посмотреть объективно, так ли гуманистичен трансгуманизм? Нельзя сбрасывать со счетов, что замалчивание проблем народов в неблагоприятных странах свидетельствует о том, что трансгуманисты хотят решить эти «вопросы» в рамках цивилизации западного типа и то – только для избранных.

По сути, налицо очередная версия социал-дарвинизма – выживает сильнейший, т. е. мир предполагается поляризовать на хозяев киборгов и людей-рабов. Критика трансгуманизма основывается на проведении параллелей между трансгуманизмом и евгеникой, согласно утверждениям которой сильные должны процветать и развиваться, в то время как слабые – отсеиваться и уничтожаться. В статье «Трансгуманизм: техноевгеника узурпирует человечество» Зен Гарднер доказывает, что трансгуманизм – не что иное, как евгеника. «Это отъём человечности у самого человечества в угоду правящей клике <...> Публике наставляют на путь любви к идеям трансгуманизма, избегая утверждений о его направленности на отдельную расу или этнос. Публике говорят о совершенствовании всего человечества. Это как раз неправда. Элита трансгуманистов не имеет ни малейшего намерения “развивать” всё человечество. Их единственная цель – совершенствование своих родословных, оставляющая остальных несчастных за бортом без права выбора. Последним уготована участь рабов, подопытных и рабочей силы» [Gardner, 2012, web]. Для Гарднера постчеловек – уже не человек. Это другие существа, которые, не являясь прямыми родственниками оставшимся людям, заинтересованы только в эксплуатации последних. Возможно, переход к трансгуманизму будет сопровождаться глобальной войной, какой еще мир не знал. Маловероятно, что обычные люди (последние люди) будут терпеть рядом с собой сверхлюдей (постлюдей, киборгов, людей-роботов, нелюдей, люденгов), а сверхлюди будут терпеть людей обычных. Дивергенция людей и киборгов вырисовывается как неизбежная и ужасная перспектива.

Радикальные векторы развития технологий: неолуддизм vs трансгуманизм

В контексте мировой философской традиции в противостоянии неолуддизма и трансгуманизма угадывается давний спор идей Парменида и Гераклита. «Греки не были склонны к умеренности ни в своих теориях, ни в своей практике. Гераклит утверждал, что все изменяется. Парменид возразил, что ничто не изменяется» [Рассел, 1993, с. 63]. По сути, в этом споре фигурирует фундаментальная проблема человеческого бытия, связанная с дихотомией темпоральных векторов его развития. С одной стороны, человек не склонен менять свою устоявшуюся идентичность и приверженность к традиционным устоям, а недоверие, подобное луддистскому, и даже враждебное отношение к новациям является здоровой и действенной охранительной реакцией. Здесь в качестве смыслообразующей выступает идея, восходящая к Пармениду. С другой стороны, трансгуманизм, нацеленный не только на кардинальные изменения, но и вообще связывающий изменения с благом, вписывается в парадигму меняющегося мира Гераклита. Трансгуманизм, отягощенный страхом человека перед непредсказуемостью грядущего, спасается от этого тревожного чувства сам и манифестирует спасение для других, прикрывая навязчивое экзистенциальное беспokoйство ширмой из радужных прогнозов и многообещающих проектов, помещенных в отсроченное будущее.

Неолуддизм и трансгуманизм как модели отношений человека и технологий являются радикальными, и это препятствует их рассмотрению в качестве действенных механизмов адаптации человека к технологическим трансфор-

мациям информационного общества. Если в случае «неолуддизма» перевешивает чаша весов в сторону человека, но при этом он становится инвалидом, лишенным ставших привычными ему протезов-костылей-гаджетов, то в случае трансгуманизма оказывается более весомой чаша машин, обращающих во благо своего прародителя достижения технологического прогресса, но с одним маленьким условием: человек должен стать киборгом, пройти интимное таинство союза с машиной. И любой из этих радикалов наносит по идентичности смертоносный удар.

Идентичность как точка сборки: баланс между человеческим и машинным миром

Существует третий вариант, который и будет отстаиваться в качестве предпочтительного. Выходом из ситуации может быть достижение баланса между человеком и машиной. Ключевой идеей здесь является сохранение *идентичности*. Будучи радикальными идеологиями, неолуддизм и трансгуманизм представляют собой крайности консервации себя в первом случае или потери себя во втором, что для современного технологизированного мира вряд ли станет конструктивными и приемлемыми моделями как феноменологического, так и социокультурного существования в нем индивида. Идентичность в динамике культурно-исторического и технологического ускорения может пониматься как некая «точка сборки», момент устойчивости и гармонии с собой в условиях текучей современности. Точка сборки – это фиксация и идентификация себя в изменчивом хронотопе. Конечно, метафора «точка сборки» несет в себе технологизированный, машинизированный оттенок быта и бытия. Она вызывает в уме аналогии с некими трансформерами, меняющими свою конструкцию в зависимости от имеющихся в наличии вокруг запасных частей. Но ведь если обернуться, посмотреть вокруг, то станет очевидным, что технологии опосредовали и изменили модусы существования, формы поведения и способы удовлетворения потребностей человека. А если оценить предельную скорость, которую эти трансформации набрали сегодня, то мы увидим технологизированного всеми силами, вольно или невольно, полностью или частично, но все же адаптирующегося к реалиям информационного общества нашего современника, постоянно стремящегося найти и находящего (в идеале) свою модель, место, роль – точку опоры, точку сборки в расклеенном и текучем хронотопе. Идентичность не может мыслиться меняющей все цвета радуги масляной пленкой на мутном потоке воды. Идентичность – это пусть и не неизменная, но все же картина мира, палитру которой видит человек здесь и сейчас и в рамках конструкта, в котором он находит феномен собственнического смысла жизни, свою самотождественность. *При понимании идентичности как точки сборки, в том числе сборки человека и технологий, не может идти речи ни о каких сингулярностях, разрывах, способных дивергировать человека и созданные им машины.*

Заключение

Технологические медиумы, становясь неотъемлемыми протезами человека, имплицитно могут приводить к его избыточной технологической уязвимости, возможному формированию неустойчивой и смутной идентичности, а также техногенной инвалидизации. Человек в процессе социокультурного генезиса сросся с техникой, ее прогресс сопровождал и во многом определял развитие человеческой культуры. В отношении к месту, занимаемому современными информационными и техническими средствами в сочленении «человек-машина», крайности недопустимы. Исходя из понимания того, что технологии не являются нейтральными по отношению к использующему их человеку и, оценивая уязвимость альтернативных подходов – неолуддизма и трансгуманизма – предлагается дополнить их разработкой позиции, учитывающей возможности соразмерного, «мирного» сосуществования человека и технологий с целью сохранения родовой сущности человека и его устойчивой и когерентной идентичности при неуклонном развитии технического прогресса. Осознавая неотъемлемую культурно-историческую потребность людей в технологических расширениях, ограничимся гипотезой: технологии должны быть соразмерны натуральным возможностям и способностям в объективных условиях нашего мира и служить не упрощению, а развитию личности.

Список литературы

- Азимов, 1996–1997 – *Азимов А.* Двухсотлетний человек // *Миры Айзека Азимова* Т. 1. М.: Полярис, 1996–1997. С. 621–667.
- Бердяев, 1989 – *Бердяев Н.А.* Человек и машина. Проблема социологии и метафизики техники // *Вопр. философии.* 1989. № 2. С. 147–162.
- Бостром, web – *Бостром Н. и др.* FAQ по трансгуманизму // Российское трансгуманистическое движение. URL: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/6/93/#posthuman/> (дата обращения: 30.13.2016).
- Виндж, 2012 – *Виндж В.* Технологическая Сингулярность // *Компьютерра.* 29.08.2012. URL: <http://old.computerra.ru/think/205650/> (дата обращения: 30.03.2016).
- Восстание против машин, web – Восстание против машин: Краткая история луддизма // *FURFUR.* URL: <http://www.furfur.me/furfur/culture/culture/172069-vosstanie-protiv-mashin-kratkaia-istoriya-luddizma> (дата обращения: 01.09.2016).
- Дмитриева, 2014 – *Дмитриева Л.Д.* Освещение феномена трансгуманизма в России // *Научно-исслед. публ.* 2014. № 10(14). С. 27–36.
- Дэвис, 2008 – *Дэвис Э.* Техногнозис. Миф, магия и мистицизм в информационную эпоху / Пер. с англ. С. Кормильцева, Е. Бачиной, В. Харитоновна. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2008. 480 с.
- Емелин, 2013 – *Емелин В.А.* Киборгизация и инвалидизация технологически расширенного человека // *Нац. психол. журн.* 2013. № 1(9). С. 62–70.
- Емелин, Тхостов, 2016 – *Емелин В.А., Тхостов А.Ш.* Соблазны и ловушки темпоральной идентичности // *Вопр. философии.* 2016. № 8. С. 115–125.
- Качинский, 2006 – *Качинский Т.* Индустриальное общество и его будущее. Манифест унабомбера / Пер. с англ. Д. Попова. СПб.: Революция, 2006. 148 с.
- Ланир, 2011 – *Ланир Дж.* Вы не гаджет. Манифест / Пер. с англ. М. Кононенко. М.: Астрель, Corpus, 2011. 320 с.

Лекторский, 2015 – *Лекторский В.А.* Академик Лекторский: «Если приходит бессмертие, жизнь теряет смысл». Крупнейший философ, специалист в теории познания Владислав Лекторский – о грядущем постчеловеке, наступающем обществе знания и будущих путях спасения человечества // Новая газ. № 35. 06.04.2015. С. 20–21. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/04/03/63668-akademik-lektorskiy-171-esli-prihodit-bessmertie-zhizn-teryayet-smysl-187> (дата обращения: 01.09.2016).

Лотман, 1992 – *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М.: Гнозис, Издат. группа «Прогресс», 1992. 272 с.

Мамфорд, 2001 – *Мамфорд Л.* Миф машины. Техника и развитие человечества / Пер. с англ. Т. Азаркович, Б. Скуратова. М.: Логос, 2001. 405 с.

Попова, 2014 – *Попова О.В.* Бессмертные машины // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 18: Человек – NBIC машина (философско-антропологические и биоэтические исследования) / Под. ред. П.Д. Тищенко. М.: Изд-во гуманитар. ун-та, 2014. С. 28–45.

Рассел, 1993 – *Рассел Б.* История западной философии / Подгот. текста В.В. Целищева. Т. 1. М: Миф, 1993. 512 с.

Тищенко, 2014 – *Тищенко П.Д.* Россия 2045: котлован для аватара (размышления в связи с книгой «Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция») // Вопр. философии. 2014. № 8. С. 181–186.

Тхостов, 2014 – *Тхостов А.Ш.* Блеск и нищета трансгуманизма // Место и роль гуманизма в будущей цивилизации / Под. ред. Г.Л. Белкиной, М.И. Фроловой. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 186–198.

Что такое трансгуманизм, web – Что такое трансгуманизм? // Российское трансгуманистическое движение. 2006. URL: <http://transhuman.ru/biblioteka/transgumanizm/chto-takoe-transgumanizm> (дата обращения: 30.03.2016).

Ellul, 1965 – *Ellul J.* The technological society. N. Y.: Vintage Books, 1965. 449 p.

Gardner, web – *Gardner Z.* Transhumanism – Techno-Eugenics Usurping Humanity // The Daily Sheeple. 2012. URL: http://www.thedailysheeple.com/transhumanism-techno-eugenics-usurping-humanity_072012 (дата обращения: 30.03.2016).

Huxley, 1957 – *Huxley J.* New Wine in New Bottles. N. Y.: Harper & Row, 1957. 320 p.

From Neo-Luddism to Transhumanism: singularity and vertical progress or identity loss

Vadim A. Emelin

Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Leninskie Gory Str., Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: emelin@mail.ru

One can distinguish two extremities in relation to modern technologies. The first is Neo-Luddism that implies their negation and representation as a hostile force to man, which should be struggled against. The second is transhumanism that finds a panacea to the humankind in solving all the problems on the basis of technology development and rests upon the maximum convergence of human and machine minds. Both of the views imply a radical change of either standard of living or the existing identity of an information society individual. This article discusses a problem peculiarity of modern Neo-Luddites' viewpoints. At that, if one does not take into consideration the extreme displays of fight against machines, than this is rather about reasonable fears of unpredictable consequences of the unrestrained and uncontrolled process of inclusion of technologies in the human vital activity. One disputes a “rose-coloured view” of the future triumph of technological development that must bring the man if not just immortal, then an utmost lifespan. As an ideal, it must become

a point of technological singularity, that is, the man's transformation into other, cyborg-like, machine property. The popularity of the ideas of life extension is quite explainable and is not subject to criticism. But disregard of ethic and ethnic problems as well as problems of overpopulation of the planet and scantiness of resources makes transhumanists' outlooks, if not utopian, then at least, rather ambiguous. As well as any immortalist of those who have promised immortality, take the latter to an unclear future speculating on ever-increasing interest to this theme. Evaluating the approaches by Neo-Luddites and transhumanists as radical, one proposes to start moving to the in-between position. It provides the working-out of a commensurate and "peaceful" coexistence of man and technologies in order to save the generic entity of a human and exclude shocks to the identity.

Keywords: identity, information society technologies, transhumanism, Neo-Luddism, cyborgization, immortalism, technological singularity

Acknowledgements: The research was funded by Russian Foundation for Basic Research (Project № 18-013-01222 A).

References

Azimov, I. Dvuhstoletnij chelovek [The Bicentennial Man], trans. by «Poljaris», in: I. Azimov, *Miry Ajzeka Azimova* [The Worlds of Ayzek Azimov], vol. 1. Moscow: Poljaris. pp. 621–667. (In Russian)

Berdyaev, N. A. "Chelovek i mashina. Problema sotsiologii i metafiziki tekhniki" [Man and Machine. The problem of Sociology and Metaphysics of Technologies], *Voprosy Filosofii*, 1989, no. 2, pp. 62–70. (In Russian)

Bostrom, N. et al. "FAQ po transgumanizmu" [Transhumanist FAQ], *Rossiiskoe transgumanisticheskoe dvizhenie* [<http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/6/93/#posthuman/>, accessed on 30.03.2016]. (In Russian)

"Chto takoe transgumanizm?" [What is transhumanism?], *Rossiiskoe transgumanisticheskoe dvizhenie* [<http://transhuman.ru/biblioteka/transgumanizm/chto-takoe-transgumanizm>, accessed on 30.03.2016]. (In Russian)

Davis, E. *Tekhnognosis. Mif, magiya i mistitsizm v informatsionnuyu epokhu* [Technognosis. Myth, magic, end mysticism in the age of information], trans. by S. Kormil'tseva, E. Bachinoinoi, V. Kharitonova. Ekaterinburg: Ul'tra. Kul'tura Publ., 2008. 478 pp. (In Russian)

Emelin, V. "Kiborgizatsiya i invalidizatsiya tekhnologicheskii rasshirennogo cheloveka" [Cyborgization and disability of a technologically extended human], *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*, 2013, no. 1(9), pp. 62–70. (In Russian)

Emelin, V., Thostov, A. Sh. "Soblazny i lovushki temporal'noj identichnosti" [The Temptation and Snare of Temporal Identity], *Voprosy filosofii*, 2016, no. 8, pp. 115–125. (In Russian)

Ellul, J. *The technological society*. New York: Vintage Books, 1965. 449 pp.

Gardner, Z. "Transhumanism – Techno-Eugenics Usurping Humanity", *The Daily Sheeple*, 2012. [http://www.thedailysheeple.com/transhumanism-techno-eugenics-usurping-humanity_072012, accessed on 30.03.2016].

Huxley, J. *New Wine in New Bottles*. New York: Harper & Row, 1957. 320 pp.

Kachinskii, T. *Industrial'noe obshchestvo i ego budushchee. Manifest unabombera* [The Unabomber Manifesto: Industrial Society and Its Future], trans. by D. Popova. St-Petersburg: Revolva Publ., 2006. 148 pp. (In Russian)

Lanier, J. *Vy ne gadzhet. Manifest* [You are not a gadget. Manifesto], ed. by M. Kononenko. Moscow: Astrel', Corpus Publ., 2011. 320 pp. (In Russian)

Lektorsky, V. “Akademik Lektorskiy: “Esli prihodit bessmertie, zhizn’ terjaet smysl””. Krupnejshij filosof, specialist v teorii poznaniya Vladislav Lektorskiy – o grjadushhem postcheloveke, nastupajushhem obshhestve znaniya i budushhih putjah spaseniya chelovechestva” [Academician Lektorsky: “If immortality comes, life loses its sense”. The prominent philosopher and specialist in the theory of knowledge, Vladislav Lektorsky – about a coming posthuman, the coming society of knowledge and future ways of mankind salvation], *Novaja gazeta*, no. 35, April 6, 2015, pp. 20–21. [<https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/04/03/63668-akademik-lektorskiy-171-esli-prihodit-bessmertie-zhizn-teryayet-smysl-187>, accessed on 27.02.2016]. (In Russian)

Lotman, Ju. *Kul'tura i vzryv* [Culture and Explosion]. Moscow: Gnozis; Izdatel'skaja grupa «Progress» Publ., 1992. 272 pp. (In Russian)

Mumford, L. *Mif mashiny. Tekhnika i razvitie chelovechestva* [The Myth of the Machine. Technics and Human Development], ed. by T. Azarkovich, B. Skuratova. Moscow: Logos Publ., 2001. 405 pp. (In Russian)

Popova, O. “Bessmertnye mashiny” [Immortal Machines], in: *Rabochie tetradi po bioetike* [The Workbooks on Bioethics], vol. 18, ed. by P. D. Tishchenko. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnogo universiteta Publ., 2014, pp. 28–47. (In Russian)

Russell, B. *Istorija zapadnoj filosofii* [History of Western Philosophy], trans. by V. Celishheva, vol. 1. Moscow: Mif Publ., 1993. 509 pp. (In Russian)

Tishhenko, P. “Rossija 2045: kotlovan dlja avatara (razmyshlenija v svjazi s knigoj “Global'noe budushhee 2045. Konvergentnye tehnologii (NBIKS) i transgumanisticheskaja revoljucija)” [Russia-2045: Foundation Pit for an Avatar (Reflectoins in Relation to the Book “The Global Future of 2045. Convergent Technologies (Nano-, Bio-, Info-, Cogno- and Sociohumanitarian Ones) and Transhumanistic Revolution”)], *Voprosy filosofii*, 2014, no. 8, pp. 181–187. (In Russian)

Tkhostov, A. “Blesk i nishcheta transgumanizma” [Deadlocks and Perspectives of the understanding of Humanism in the Modern society], in: *Mesto i rol' gumanizma v budushchei tsivilizatsii* [The Place and Role of Humanism in the Future Civilization], ed. by G. Belkina, M. Frolova. Moscow: LENAND Publ., 2014, pp. 186–198. (In Russian)

Vinge, V. “Tehnologicheskaja Singuljarnost” [Technological Singularity], *Komp'juterra online* [<http://old.computerra.ru/think/205650/>, accessed on 12.02.2013]. (In Russian)

“Vosstanie protiv mashin: Kratkaja istorija luddizma” [Rebellion against the Machines: a Short Story of Luddism], *FURFUR*. [<http://www.furfur.me/furfur/culture/culture/172069-vosstanie-protiv-mashin-kratkaya-istoriya-luddizma>, accessed on 01.09.2016]. (In Russian)